

7. Здесь и в других диаграммах использованы данные Росстата.

Y. P. Bokarev
METAMORPHOSIS OF POST-SOVIET
ECONOMIC SPACE OF RUSSIA

The article is devoted to the stages of folding of the Russian economic space. The first stage was concerned with the transformation of a fragment of the Soviet economic space, Russia inherited, in the internal economic space of the Russian Federation. The second step was the reorganization of the Russian economy under the new economic space. The third stage consisted in the expansion of domestic economic space of the country and its integration into the world economic space. Probably Western sanctions and the formation of the Customs Union put the beginning of the fourth stage.

Key words: dynamics of economic space, compression, automation, decentralization, and the disintegration and fragmentation of space, economic niches, levels of economic space.

И.В. Побережников*
АКТОРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ¹⁹

В статье обоснован новый методологический подход анализа российской модернизации имперского периода, предполагающий выявление роли основных ее акторов, эволюции акторных структур, реконструкцию модернизационных стратегий акторов. Такой подход способствует углублению представлений о закономерностях и особенностях перехода от традиционного к современному обществу в условиях имперской России.

Ключевые слова: Модернизация Россия империя акторы структурация антропологический поворот стратегия мотивация бюрократия управление гражданское общество предприниматели профессионалы интеллигенция

Одной из ключевых предпосылок успешной реализации модернизационного проекта является наличие в современном российском обществе действующих субъектов, способных выступить акторами модернизации. Но на вопрос о их присутствии и локализации дается множество ответов: от утверждений, что модернизация в России невозможна за отсутствием субъектов модернизации до признания в качестве возможных акторов модернизации, например, среднего класса или госслужащих. В этой связи высокую актуальность приобретает вопрос об адекватных методологических схемах исторического анализа формирования акторов модернизации, эволюции акторных структур, модернизационных стратегий акторов, исторического опыта формирования социальных статусов и идентичностей различных акторных групп, а также выработки технологий увеличения имеющихся в их распоряжении ресурсов и способов их преобразования в реальные современные возможности.

Перспективным представляется сфокусироваться на определение роли институционально-организационных и социальных акторов (гражданские и территориально-отраслевые административно-бюрократические структуры, органы самоуправления, предприниматели, профессиональные группы и сообщества, иностран-

* Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором ИИиА УрО РАН, Екатеринбург, rober1871@mail.ru

¹⁹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

ные специалисты, интеллигенция и т.д.) в обеспечении динамики и характера российской прото- и раннеиндустриальной модернизации (XVIII – начала XX в.), их вклада в формирование институционально-политического, социально-экономического и культурно-символического облика модернизации. Необходимо при этом отметить, что до сих пор в отечественной исторической литературе модернизация изучалась преимущественно на страновом (или региональном) макроуровне в формате осуществления модернизационных субпроцессов (индустриализации, урбанизации, демографической революции, бюрократизации, демократизации, рационализации, профессионализации, образовательной революции). В подобных исследованиях модернизация обыкновенно превращалась в автоматический процесс, направляемый анонимными закономерностями и дирижируемый государством как почти единственным модернизационным актором.

В основу исследования может быть положен теоретический подход, сконструированный на основе синтеза теории структуриации, неомодернизационной перспективы, историко-антропологического подхода. Поскольку ключевой методологической задачей является обеспечение аналитической оптики, сфокусированной на актора, постольку, считаем, оптимальным здесь может стать социологический структуриационный подход (само понятие структуриация получило широкое признание благодаря работам Э. Гидденса) [1; 2; 7], присутствие которого в разнообразных версиях уже давно (по меньшей мере, с 1970-х гг.) обнаруживается в методологии современных исторических перспектив, таких как микроистория, история повседневности, новая локальная история, новая культурная история и т.д.

В рамках структуриационного подхода историческая (социальная) реальность рассматривается как следствие организации социальных отношений во времени и пространстве в процессе постоянного взаимодействия предшествующих структур и человеческих действий. Структуриационный подход позволяет включить в орбиту внимания как субъективный, человеческий фактор, так и надиндивидуальный, объективный контекст, который ограничивает произвол действующих в истории персонажей, устанавливает определенные рамки (структурные условия, унаследованные от прошлого), которые люди усиливают или модифицируют своими действиями и в новом виде передают своим наследникам.

Специально для изучения перехода от традиционного к индустриальному обществу во второй половине 1950-х — 1960-х гг. был сформулирован теоретический подход – модернизационный (работы М. Леви, Д. Лернера, Д. Эптера, У. Ростоу, Н. Смелзера, Ш. Эйзенштадта, С. Хантингтона, С. Блэка и др. авторов), разработанный первоначально в рамках социологии и получивший затем широкое распространение в исторических и историко-социологических исследованиях [Обзор теорий модернизаций см.: 3]. Классической модернизационной парадигме было присуще фокусирование исследовательского интереса на проблематику развития, факторов и механизмов перехода от традиционности к современности; проведение анализа преимущественно на страновом, национальном уровне; использование в качестве ключевых понятий традиция и

современность, оперирование эндогенными переменными, такими как социальные институты и культурные ценности; положительная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей. Сторонники линейной модели признавали, что модернизация вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, порождая процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распространения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия. В рамках линейной модели модернизация рассматривалась как системный имманентный процесс, интегрировавший в связное целое факторы и атрибуты модернизации, которые должны были появляться в кластерах, а не в изоляции. Подобный подход зачастую используется и современными историками, изображающими в итоге модернизацию как практически автоматический ход модернизационных суб-процессов, осуществляемых согласно неким анонимным законам.

Соответственно, в рамках классической версии модернизационной парадигмы исследователи редко обращались к анализу движущих социальных сил модернизации, влияния социальных коалиций или, наоборот, противостояний на ход и характер модернизации. К числу немногих исключений можно отнести фундаментальный труд Б. Мура (1967), выделившего три траектории модернизации в зависимости от того, кто выступал в качестве лидера или основной движущей силы процесса – буржуазия, дворянство или крестьянство.

Нарастание сложности реальных модернизационных процессов, совершенствование теоретического оснащения гуманитарных наук способствовало обновлению методологии модернизационного подхода, которое привело к становлению в 1980—1990-е неомодернизационного анализа, менее абстрактного и более историчного в сравнении с классической версией модернизационной парадигмы (Э. Тириалян, П. Штомпка, В. Цапф, К. Мюллер, Р. Робертсон и др.). Созданная в результате своего рода теоретического синтеза на основе классических моделей с учетом критики со стороны конкурирующих структуралистских мироцелостных подходов, а также элементов деятельностного подхода неомодернизационная версия характеризовалась большей эластичностью по отношению к изучаемой реальности, акцентированным вниманием к акторно-деятельностным аспектам развития.

В частности, что важно в русле нашего исследования, неомодернизационный подход отходил от эволюционистского телеологизма, фокусируя внимание не на анонимные законы эволюции, а на роль социальных акторов (коллективов и индивидов), всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства.

Далее, в теоретическую модель был включен фактор исторической случайности; признавалась необходимость рассмотрения трансформационных процессов в рамках конкретной «историче-

ской констелляции» (К. Мюллер). Акцент на пространственно-временной горизонт акторов (а не на абстрактные трансцендентные цели – своего рода аттракторы, якобы притягивающие неведомым способом траекторию развития), в соответствии с которым выстраиваются новые линии развития, создавал познавательные основы для более историчной трактовки самого процесса модернизации, теперь устанавливающего зависимость между результативностью преобразований и гармонией между культурными, политическими, экономическими ценностями и приоритетами и наличным ресурсами.

Также значительным и прорывным теоретическим шагом стал откат от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации. Признавалась возможность различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации; как отмечал Э. Тириалян, отдельные сектора или группы акторов действительно могут сознательно постоянно следовать по пути модернизации; некоторые группы могут делать это лишь на протяжении какого-то временного отрезка; отдельные акторы вообще могут отвергать движение по пути модернизации (например, те, кто имеет доступ к ресурсам в рамках старого институционального устройства).

Акторные подходы при изучении модернизации уже применялись в историко-социологических исследованиях как на макро-, так и на локальном уровне. Пример фокусировки на локальном уровне представляет исследование современной российской модернизации финским социологом Тимо Пиирайненом, который попытался совместить модернизационную перспективу с деятельностным (акторным) подходом с целью объяснения перехода от плановой к рыночной экономике в постсоветской России [11]. Предлагаемый ученым подход сводится к сосредоточению внимания в первую очередь на повседневной жизни обычных людей, выявлению основных путей и стратегий, которые они используют, чтобы справиться с трудностями переходного периода. Выборы в пользу определенных жизненных стратегий, которые делают конкретные семейства, и действия, в которых они участвуют, равно как возможности и ограничения, с которыми они сталкиваются, — становятся предметом анализа Т. Пиирайнена. Сопоставляя выборы и стратегии различных семейств, Пиирайнен, как он сам считает, получает представление о контурах нового социального порядка, коллективных результатах индивидуальных действий акторов.

Труд шведского исследователя Г. Тёрборна [12] представляет собой историческое макросоциологическое исследование, расширяющее горизонты модернизационного анализа за счет использования теории структуризации (в рамках структуриационного подхода историческая реальность рассматривается как следствие организации социальных отношений во времени и пространстве в процессе постоянного взаимодействия предшествующих структур и человеческих действий, практик акторов), которая фокусируется в том числе и на акторах. По мнению Тёрборна, социальный мир может быть представлен с двух выгодных позиций, высвечивающих свойственные человеку как актору измерения, — культуры и структуры. Человеческие общества, поясняет свой подход исследователь, состоят из индивидуальных и коллективных акторов, действующих в контек-

сте (и воздействующих на) культуры и структур. Под культурой автор понимает то, что усваивается и разделяется людьми, что относится к универсуму значений и символов, что обеспечивает внутреннее руководство к действию в рамках общества. Структура же рассматривается Тёрборном как способ типизации (структурирования) ресурсов и ограничений, доступных (или присущих) людям как социальным акторам. Люди действуют определенным образом именно потому, что они принадлежат к специфической культуре и/или потому что они располагаются в специфическом месте в структуре ресурсов и ограничений. Вследствие того, что культурная принадлежность и структурная позиция рассматриваются в качестве главных объяснительных схем действия в социологии, Г. Тёрборн также уделяет существенное внимание культурным и структурным характеристикам.

Следует признать, что структурационная модель в теоретическом плане более содержательна по сравнению с чисто акторными моделями, ее отличают более широкие теоретические рамки, которые позволяют исследовать те стороны социальной действительности, на познание которых раздельно претендовали структурные и акторные подходы. Проблемой структурационного подхода является практическая организация исследования, интеграция анализа различных уровней социальной реальности, который зачастую по-прежнему осуществляется дифференцированно.

На основе неомодернизационной версии (1990—2000-е гг.) модернизационной парадигмы разработана фигурационная модель изучения модернизации, акцентированная на пространственную и темпоральную вариативность модернизаций; на взаимосвязанность страновых вариантов модернизации (своеобразные сплетения, фигурации); признание действительности как эндогенных (экологических, институциональных, социокультурных и др.), так и экзогенных факторов модернизаций (диффузии идей, технологий, организационных моделей; демонстрационных эффектов; конкуренции; обоюдных влияний и трансформаций) [4]. Данный подход многомерен, чувствителен как к эндогенным факторам и механизмам, так и к экзогенным, учитывает: 1) действие механизма структурно-функциональной дифференциации, обоснованного Э. Дюркгеймом, Т. Парсонсом, Н. Смелзером, что находит выражение в процессах индустриализации, урбанизации, бюрократизации, образовательной революции, формирования гражданского общества и т.д.; 2) воздействие институтов, созданных предшествующими поколениями, на дальнейший ход развития (траекторная зависимость или зависимость от предшествующего маршрута развития («эффект колее»), программирующая в действительности разновекторный характер страновых вариантов модернизаций); 3) социальные конфигурации, которые складываются между социальными силами, классами, стратами, определяют лидерство – и оказывают существенное влияние на выбор тех или иных инструментов преобразований, в частности, реформистских или революционных; 4) роль диффузии, то есть механизма распространения инноваций, в том числе их импорта в определенное общество извне, как важнейшего механизма модернизации и одновременно дифференцирующего фактора (с одной

стороны, вроде бы диффузия способствует конвергенции, страновой гомогенизации; с другой же стороны, обеспечивая трансплантацию экзоинноваций на различные социоисторические ландшафты, она усиливает пестроту модернизирующихся обществ).

Активное освоение модернизационной макротеории отечественными обществоведами началось относительно недавно, лишь в постсоветской России. В отечественном формате модернизационный подход сохранил свой полидисциплинарный характер, проникнув в российскую социально-философскую, экономическую, политологическую, историческую литературу. Опубликовано уже немало работ, в которых даются обзоры теорий и концепций модернизации зарубежных авторов; модернизационный подход применяется с целью объяснения российского исторического процесса [5]. Предприняты попытки определения специфики российских модернизаций, нашедшие, в частности, отражение в формулировании их моделей («имперская модель», модели «консервативной», «рецидивирующей» модернизации, «псевдомодернизации», «контрмодернизации», «деархаизации» и т.д.); доказывающиеся волнообразный, циклический характер российских модернизаций; получили разработку проблемы соотношения модернизации и имперского строительства, модернизации и революции в России, воздействия политики модернизации на отдельные периоды российской истории, пространственно-региональные аспекты модернизации, трансформации функций модернизации в условиях глобализации и т.д. (В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, Е.В. Анисимов, А.С. Ахиезер, Н.М. Арсентьев, В.М. Арсентьев, Л.И. Бородин, А.Г. Вишневецкий, Д.В. Гаврилов, В.В. Запарий, Н.Н. Зарубина, К.И. Зубков, А.Б. Каменский, С. Каспэ, В.В. Керов, В.В. Козловский, Г.Е. Корнилов, В.А. Красильщиков, В.В. Лапкин, О.Л. Лейбович, А.Н. Медушевский, Б.Н. Миронов, С.А. Нефедов, В.И. Пантин, И.В. Побережников, Л.В. Поляков, И.В. Поткина, В.Т. Рязанов, А.С. Сенявский, В.В. Согрин, А.В. Сперанский, А.И. Уткин, В.Г. Федотова, В.Г. Хорос, В.В. Шелохаев и др.).

Широкое распространение получили оценки российской модернизации как не органичной, преследующей цель догнать более развитые общества, характеризующейся циклизмом, рецидивирующей природой, прочной связью с традицией. Существенное внимание уделяется роли государства, которое обычно трактуется как инициатор, наиболее активная и сильная общественная структура (доминирующая позиция). Но при этом высказаны и отличные точки зрения: дуалистический характер имперской модернизации, что подразумевает наличие двух потоков или уровней (доминирующей индуцированной, целенаправленной, преимущественно этатистской, и спонтанной, естественной, низовой модернизации (например, Б.Н. Миронов; в своем исследовании В.В. Керов, признающий доминирующий характер этатистской модернизации, тем не менее, показал и наличие нонэтатистского «потока», который, по его мнению, обнаруживается, в частности, в предпринимательстве старообрядцев)). Следовательно, можно утверждать, что вопрос о движущих силах, акторах, российской модернизации является недостаточно изученным, дискуссионным.

В периоды широких исторических трансформаций человеческая возможность выбора заметно актуализируется. Именно в такие эпохи человек действительно превращается в актора и творца истории; контуры будущего общества, траектории развития в подобные периоды оказываются в существенной зависимости от воли и выбора самого человека. Исторический процесс конструируется действиями людей, постоянно вступающих во взаимодействия. В связи с этим представляется в целом плодотворным теоретический подход, акцентирующий взаимодействие между индивидами, трактующий творение истории как реализацию индивидуальных стратегий взаимодействия персонажей. Подобный подход присутствует во многих работах, выполненных в рамках современной исторической антропологии, микроистории, так называемой исторической социологии (Ч. Тилли, Т. Скокпол, М. Манн и др.). Одним из первых, как мне представляется, дал теоретическое обоснование данного подхода и впоследствии его апробировал в рамках фигуративной социологии Н. Элиас [8; 9; 10]. Ученый отвергал социальные объекты, имеющие постоянный и неизменный характер. Социальные структуры, по его мнению, представляют собой своего рода образы, которые непрерывно создаются и пересоздаются вследствие постоянно происходящих действий и взаимодействий. Эти образы развиваются во времени, при этом закономерности их развития являются обычно непреднамеренными и непредвиденными.

Хорошо известно, что на протяжении последних десятилетий XX в. в исторической науке происходила смена ориентиров, получившая название «антропологического поворота». Ее следствием стал перенос акцента в исторических исследованиях на анализ собственно «человека-в-истории», его непосредственного опыта в историческом процессе, а также широкое использование методов, заимствованных из культурной антропологии для изучения социокультурных представлений людей прошлого [6]. Несомненна продуктивность «антропологического» подхода при изучении социальных трансформаций в истории.

Одним из перспективных направлений изучения российской имперской модернизации XVIII – начала XX вв. видится необходимость учета активной роли культурно-идеологических факторов в формировании модернизационных «коалиций развития», оптимизации взаимоотношений государства и общества, интегративном опосредовании факторных (включая внешние) воздействий на модернизационный процесс. Необходимо подвергнуть реконцептуализации механическое, линейно-эволюционное понимание факторных процессов, которое не учитывает того, что на каждом историческом этапе каждый из воздействующих на общество факторов влетает в сложные симбиотические «конstellации», которые в свою очередь трансформируют характер его дальнейших проявлений, нередко кардинально изменяя направление и эффект его воздействия на общество. Социокультурная специфика общества играет в этих трансформациях определяющую роль. Это предполагает при изучении диффузионных процессов учет активной роли эндогенных, традиционных социокультурных «матриц» при оценке результа-

тивности внешних воздействий на модернизирующееся общество. Необходимо также поставить и проблему негативного воздействия социокультурных особенностей России на характер и динамику модернизационных процессов, что проявлялось в гипертрофированной роли государства, низкой активности общественных агентов модернизации, однобокости, неравномерности и «незавершенности» модернизационных процессов.

Постановка проблемы изучения акторов модернизационного процесса XVIII – начала XX вв. применительно к региональной сцене Российской империи представляет самостоятельный научный интерес как возможность выявления вариативного богатства стратегий, механизмов и факторов модернизации, складывающихся на окраинах государства, где, во-первых, по объективным причинам, слабее была степень прямого централизованного контроля над экономическими, политическими и социокультурными процессами, а потому – неизмеримо выше значение общественной самостоятельности в инициировании прогрессивных сдвигов в структурах жизнедеятельности и куда, во-вторых, из центра государства непрерывно происходило «вытеснение» оппозиционных и «антисистемных» общественных групп, среди которых присутствовали не только приверженцы традиционалистской реакции, но и носители прогрессивных начал. (Иногда же традиционализм и модернизм приходили к причудливому синтезу, как в случае старообрядчества, продемонстрировавшего на новых территориях, несмотря на полицейские преследования, незаурядную предпринимательскую хватку). В результате на региональной периферии Российской империи не только находили убежище вытесняемые из центра страны, уже отжившие структуры и способы жизнедеятельности, но и могли (как можно предполагать хотя бы гипотетически) формироваться уникальные комбинации, ансамбли и «коалиции» модернизационного развития. Особый эвристический и практический интерес имеет сопоставление региональных (например, Урала и Юга России; Урала, Поволжья, Сибири, Дальнего Востока; центральных и окраинных регионов Российской империи; «русских» и инонациональных (Польша, Прибалтика, Финляндия, Закавказье, Казахстан и Средняя Азия и т.д.) областей страны) и общестрановых тенденций модернизации в плане реализации акторных стратегий.

Между тем, в изучении истории России применяются различные подходы, акцентирующие разные аспекты и измерения исторического процесса. Изучение отечественной истории в русле направления «*новая имперская история*» в последние два десятилетия стало чрезвычайно востребованной темой исторических исследований (центры и отдельные исследователи имеются в России (базой развития «новой имперской истории» являются «Центр Исследований Национализма и Империи» при Казанском университете и международный журнал *Ab Imperio*), странах ближнего зарубежья, в свое время входивших в состав Российской империи, а затем СССР, а также в США, Германии, Франции, Японии и др. странах). В центре внимания находятся вопросы государственно-политической организации Российской империи, конфессиональной, националь-

ной и культурной политики, взаимосвязь и взаимообусловленность имперской политики в самых разных регионах страны (П. Верг, А. Каппелер, Д. Ливен, М. Ходарковский, А. Рибер, Р. Джераси, К. Мацузато, А.И. Миллер, О.Б. Леонтьева, А. Семенов, М. Могильнер, И. Герасимов, С. Глебов и мн. другие). В русле нашего подхода важен региональный акцент, вопросы управления территориями, проблема обеспечения стабильности имперского устройства, на которые обращают внимание сторонники «новой имперской истории». При этом преимущественное внимание уделяется территориям, населенным нерусскими народами. В определенной степени наши подходы можно рассматривать как взаимодополняющие.

Оригинальная и парадоксальная концепция *внутренней колонизации*, которую развивают современные отечественные и зарубежные гуманитары (А.М. Эткинд, И. Кукулин, К. Платт, Дирк Уффельман, А. Храмов и др.), базируется на идее, что российские внутренние регионы подвергались «колониальной» эксплуатации со стороны вестернизированной с петровских времен элиты, что русский путь представляет собой крайний, уникальный вариант развития. Трудно принять дихотомическое представление о соотношении государства и общества, как будто они принадлежат разным странам, а государство не выполняет общепольных функций. В отличие от сторонников данного подхода мы склонны акцентировать ситуации взаимодействия властных и общественных сил в контексте модернизационных преобразований.

«Новая культурная история», сторонники которой, не прибегая к термину модернизация, зачастую решают близкие для нас задачи, используя другие методы и фокусируя внимание на новые объекты изучения (США, европейские страны, Россия). В частности, сторонники «новой культурной истории» пытаются анализировать усвоения современных принципов на уровне мышления, ментальности (например, процесс постепенной «интернализации» власти, будь то самодержавие, диктатура партии или одного человека; речь идет о внедрении в сознание коллектива и индивида основ и принципов власти, в результате чего власть перестает быть внешней по отношению к индивиду – важно в контексте современного превращения подданного в гражданина). Полагаем, что данное направление интересно как резервуар новых познавательных подходов, за счет которых возможно обновление и нашего подхода.

Итак, исторический процесс конструируется действиями людей, постоянно вступающих во взаимодействия. Однако, исторические персонажи действуют в «обжитой» среде, заполненной унаследованными от прошлого социальными структурами (технологическими, экономическими, социальными, политическими, институциональными, культурными, ментальными и т. д.), связанной глобальными зависимостями, обусловленными иерархическим устройством миропорядка, «пронизываемой» эстафетными механизмами, которые создаются самими людьми, теряющими впоследствии индивидуальный контроль за действием данных механизмов. В итоге конституирующим историю началом, как нам кажется, оказывается взаимодействие, природа которого более сложна по срав-

нению с человеческим действием. Последнее, само по себе очень не простое, существенно уступает в сложности взаимодействию антропологических и надындивидуальных компонентов истории, которое благодаря сетевому эффекту постоянно воспроизводит уникальные (в конечном итоге, случайные) ситуации, логика которых с большим трудом может быть сведена к логикам индивидуальных акторов истории. Историк постоянно приходится иметь дело с ситуацией *Zusammenhang* (связь, связность), которую постоянно акцентировал выдающийся немецкий географ К. Риттер (1779—1859), один из основоположников географии современного типа. Риттер стремился отойти от элементарного перечисления предметов и явлений внутри сегментов земной поверхности и понять взаимоотношения, причинные взаимосвязи, которые скрепляют территориальную целостность. Вновь и вновь употребляя немецкое слово *Zusammenhang*, он придавал ему смысл качественной характеристики свойства сцепления различных объектов друг с другом. Это понятие оказывается очень современным в гуманитарной и исторической эпистемологии нашего времени. Оно позволяет, обращаясь к исторической конкретике, выходить за пределы сегментированного мира «антропологически» сотворенной истории, открывать сетевые эффекты взаимодействий между деятельностью и структурами; видеть общество процессуальным и постоянно подверженным изменениям, которые выступают результирующей конкуренции между акторами и факторами, постоянно чередующимися свои статусы – условий и результатов.

Подводя итоги, отметим, что ряд значимых теоретических, историографических и конкретно-исторических проблем истории российских модернизаций, регионального развития уже нашел отражения в опубликованных трудах. Наиболее полно раскрыты темы цивилизационно-модернизационной динамики России, механизмов и моделей модернизации. Однако, проблема акторов российских модернизаций XVIII — начала XX в., ее агентов и проводников в страновом и региональном измерении еще не являлась предметом комплексного изучения и теоретико-методологической рефлексии. Между тем, без ее освоения невозможно понимание фундаментальных особенностей российского пути развития. Новизна предлагаемого нами подхода заключается в его ориентации на «акционизм» (признание активной роли разнообразных субъектов; модернизация трактуется как результирующая многочисленных деятельностей, практик, стратегий, конфликтов, противостояний, альянсов и т.д.), «историзм» (обусловленность действий акторов их историческим социальным опытом; многолинейность, альтернативность и циклизм, как следствие пересечения в исторической реальности разнообразных интересов, практик, преобразовательных проектов и стратегий), историческую конкретность (дифференциация акторов; анализ не только социальных категорий, сообществ, но и индивидуальных агентов).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гидденс Э. Элементы теории структуриации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. С. 40—70.

2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерки теории структуриации. М., 2003.

3. *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006.
4. *Побережников И.В.* Линеарность VS многовекторность: реконструкция модернизаций // Цивилизация. Модернизация. Идентичность: материалы международного научного симпозиума (Москва, 27—28 ноября 2012 г.). М.: Издательский дом МЭИ, 2012. С. 42—52.
5. *Проскуракова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153—165.
6. *Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
7. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.
8. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.: СПб., 2001. Т. 1—2.
9. *Элиас Н.* Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М., 2002.
10. *Элиас Н.* Общество индивидов / Пер. с нем. М.: Практикс, 2001а.
11. *Piirainen T.* Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life. University of Helsinki, 1997.
12. *Therborn G.* European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945—2000. London, New Delhi: Sage Publications, 1995.

I.V.Poberezhnyukov
ACTORS OF THE RUSSIAN IMPERIAL
MODERNIZATION: THE PROBLEM

The article is justified by a new methodological approach to the analysis of Russian modernization of the Imperial period, involving identification of the role of major actors, the evolution of the actor structures, reconstruction, modernization strategies of the actors. This approach helps to deepen the understanding of the regularities and peculiarities of the transition from traditional to modern society in terms of Imperial Russia.

Key words: Modernization of Russia Empire actors structuration anthropological turn strategy motivation bureaucracy civil society, entrepreneurs, professionals, intellectuals

А.В.Сперанский*

«ОРУЖИЕ ВЕЛИКИХ ПОБЕД»: ПРОИЗВОДСТВО ВООРУЖЕНИЙ НА УРАЛЕ КАК ФАКТОР МОГУЩЕСТВА РОССИИ²⁰

В докладе рассматривается роль Урала в военном производстве России и его вклад в победы национальных вооруженных сил на протяжении всей истории нашего государства.

Ключевые слова: Урал, могущество России, производство вооружений

Военное противостояние представляет собой весьма значимую составляющую развития человеческого социума. Начиная с каменного века до космической эры, люди неоднократно пытались решить возникающие в их взаимоотношениях проблемы при помощи оружия. Причем каждый век или эпоха давали все новые и новые изобретения, совершенствующие оружейное дело. Шаг за шагом человечество шло от орудий индивидуального убийства до оружия массового уничтожения. «Хочешь мира, готовься к войне» — эта вековая мудрость постоянно стимулировала процесс производства и накопления различного рода вооружений, превращая нашу планету в колоссальный арсенал.

* Сперанский Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор. ИИиА УрО РАН, заведующий сектором. avspersky@mail.ru

²⁰ Работа выполнена по бюджетной теме № 0120136 и программе ОФИ № 13-6-006- СТ